

В той стороне Лэ Юй уставился на Чуньбао и спросил:

— Как поживает старик Вань, уже несколько лет не виделись?

В ответ раздалось презрительное фырканье:

— Жив, спасибо старому островному владыке и предыдущему островному владыке, может прожить ещё лет десять. Вот только не знаю, удастся ли мне перед смертью увидеть будущего наследника.

Его трость стучала по земле, словно била по макушке Лэ Юя, отчего у того голова разрывалась. Вань Хайфэн холодно произнёс:

— Не смею утруждать островного владыку вопросами. В прошлый раз, когда я возвращался на остров с докладом, островной владыка увидел меня и скрылся быстрее, чем ястреб, заметивший зайца.

Лэ Юй, перевернув веер в руке и играя с ним, возразил:

— Старик Вань, вы ошибаетесь. Ястреб, увидев зайца, точно не убежит, а набросится.

Внезапно он вытянул руку, словно когтистую лапу. Чуньбао сжался, как заяц под когтями ястреба, ухватившись за рукав старика. Вань Хайфэн, заметив его испуг, гневно ударил тростью:

— Островной владыка Лэ! Зачем вы пугаете ребёнка! Если бы он не наткнулся на вас в том месте и не рассказал об этом, вы бы, наверное, и не собирались сообщать нам о своём местонахождении!

Чуньбао пробормотал:

— Я... я просто хотел расширить кругозор! Не ожидал... что встречу хозяина...

Гу Хуань рассмеялась, её улыбка на мгновение стала такой же светлой, как в те времена, когда она была беззаботной девушкой на острове Пэнлай. Этот старый управляющий действительно оказался для Лэ Юя нелёгким противником.

Лэ Юй, поддерживая старика, взял его под руку. Вань Хайфэн, не выражая эмоций, встретился с ним взглядом:

— Я подвёл старого островного владыку и предыдущего островного владыку. Островному владыке уже скоро тридцать, а я не смог убедить его остепениться и жениться. Вместо этого приходится наблюдать, как он проводит время в увеселительных заведениях. Знайте, что старый островной владыка и предыдущий островной владыка в его возрасте уже воспитывали наследников!

Лэ Юй ответил:

— Не будем говорить о том, что значит «воспитывать наследников». Мой прадед только к сорока годам остепенился, забыл старую любовь и женился на прабабушке, с которой они прожили в любви до самой старости. Лучше уж проводить время в поисках удовольствий, чем мучиться из-за несчастной любви до сорока лет.

Вань Хайфэн, с лицом, полным гнева, поднял трость, чтобы пригрозить, но Лэ Юй с лёгкостью остановил её одной рукой, зафиксировав в воздухе, так что тот не мог пошевелить ею ни на миллиметр.

Он поднял бровь, давая знак Чуньбао войти внутрь, и только тогда отпустил трость:

— Старый управляющий, не торопитесь гневаться. Если мать дала вам право наказывать и воспитывать меня, я готов принимать удары и ругань. Но предупреждаю: во-первых, не бейте по лицу, во-вторых, если есть что сказать, подождите, пока я приду. Эта трость — подарок матери, и вы, наверное, не хотите, чтобы она сломалась.

Хотя Вань Хайфэн имел право на наказание, он был человеком строгих принципов и глубоко уважал иерархию. Лэ Юй был уверен, что тот не посмеет ударить, но, как только трость вернулась в руки старика, она с силой опустилась! Удар пришёлся по спине с полной мощностью.

Сяо Шанли не слышал их разговора, но в момент удара вскочил с места, возмущённо воскликнув:

— Он же хозяин! На острове Пэнлай действительно нет никаких правил, чтобы подчинённые могли так вести себя с вышестоящими.

Гу Хуань мягко сказала:

— Он считает старика Ваня старшим...

Затем, положив ткань, взяла Сяо Шанли за руку и успокоила:

— Если бы он не хотел получать удары, старик Вань, учитывая его возраст, разве смог бы его тронуть? Это просто способ успокоить старика.

Сказав это, она покачала головой:

— Наверное, он даже снял защитную энергию, чтобы не причинить вреда.

Лэ Юй, потирая руку, вернулся. Гу Хуань приготовила ему чай и с улыбкой спросила:

— Больно?

Лэ Юй, вспомнив о разговоре о женитьбе, оглядел комнату и, бросив веер, напрямую обратился к Сяо Шанли:

— Если бы на этот раз действительно приехала принцесса Яньцинъ, как бы вы, ваше высочество, собирались делать ей предложение?

Сяо Шанли с трудом произнёс:

— Я хочу жениться только на той, кто мне по сердцу.

Лэ Юй громко рассмеялся и сел:

— Если бы ваше высочество довольствовалось бы положением принца, с вашей благосклонностью императора, было бы нетрудно оставаться с любимой. Но вы стремитесь к большему, и такие слова звучат довольно смешно.

Сяо Шанли промолчал, и Гу Хуань тоже не стала вступаться. Некоторые вещи она не могла приукрасить, и Сяо Шанли должен был понять это на собственном опыте. Напряжение в воздухе нарастало, и Лэ Юй сказал:

— Рыбу и медвежью лапу нельзя получить одновременно. Это только начало, и путь перед вами ясен. Выбирайте сами.

Сказав это, он повернулся и ушёл.

Гу Хуань положила шитьё и подумала: «Он действительно жалеет Сяо Цзю, не хочет, чтобы тот боролся за трон. Да и что хорошего в положении принцессы, что хорошего в троне великого Чу?» Именно она подтолкнула Лэ Юя к тому, чтобы он испытывал сочувствие к Сяо Шанли, и теперь её чувства были сложными.

Но тут Сяо Шанли упрямо сказал:

— Старший брат, наследный принц, женился только на моей невестке. Хотя до неё у него были наложницы высокого происхождения, он даже не хотел давать им титул второстепенных жён. Разве не потому, что он любил только мою невестку?

После смерти наследного принца он знал, что в смерти брата кроется что-то подозрительное, и это было болью для его матери и невестки. Он никогда не упоминал брата, боясь расстроить невестку. Гу Хуань, вспоминая прошлое, чувствовала, словно это было в другой жизни. Она и её покойный муж впоследствии полюбили друг друга, но их брак изначально был заключён не ради любви. Дело о реабилитации семьи Гу, за которое боролся наследный принц, было полно расчётов и интриг.

Она взяла руку Сяо Шанли и сказала:

— Многие вещи, если копнуть глубже, оказываются не такими, какими кажутся на поверхности. Господин Лин был прав, это только начало. Этот путь будет трудным, Сяо Цзю... пожалуйста, подумай хорошенько. Трудности, с которыми ты столкнёшься, в будущем станут в тысячу раз тяжелее.

Через три дня принцесса Яньцинъ была встречена в Цзиньцзине.

Столица была окутана лёгким дождём. Длинная процессия въезжающих в город повозок состояла из солдат Восточного У, но вокруг кареты принцессы Яньцинъ стояли восемь воинов в чёрных доспехах и красных плащах, явно из армии Циньчжоу.

Императорская гвардия Южного Чу выстроилась вдоль дороги, и на широкой улице, способной вместить пять повозок, царила тишина. Только колёса кареты принцессы, украшенные золотым гербом семьи Тянь из Восточного У, громко стучали по каменной мостовой.

В этой торжественной атмосфере, в нескольких улицах от Сада Гэнъе, царила необычная тишина. Лодка Цзинмин спокойно лежала на воде, а тёмно-зелёные водоросли слегка колыхались в озере. Под окном лодки стучал дождь. Лэ Юй, лёжа на коленях Не Фэйлуань, открыл старинную цитру с узорами, напоминающими цветы сливы:

— Ты говоришь, что младший grossмейстер из армии Циньчжоу сопровождал принцессу Яньцинъ на юг?

— Он так хорошо замаскировался, что раскрыл свою личность только за сто ли до Цзиньцзина. В Циньчжоу сейчас находится двойник. Но не только он. Ученик Хэ Тайси, того самого «Святого литературы», который когда-то сватался к генералу Нин, тоже приехал. Мой хозяин говорит, что Цзиньцзин становится местом сбора лучших младших grossмейстеров, и он полностью доверяет островному владыке, надеясь, что он не подведёт.

Лэ Юй сказал:

— Твой хозяин действительно умеет использовать людей до предела.

Не Фэйлуань, смотря ему в глаза, легонько провела пальцем по его высокому носу, словно разглаживая маску:

— Островной владыка, у вас в последние дни есть проблемы? Почему вы так печальны?

Лэ Юй открыл глаза, поймал её руку и сжал:

— Я жду, когда маленькая красавица примет решение. Хотя это дело меня не касается.

Сяо Шанли уже принял решение.

За пределами дворца Дасин солдаты Циньчжоу торжественно подняли тяжёлые занавески кареты. За двумя слоями занавесок принцесса Яньцинъ наклонилась, чтобы выйти.

Она была одета в серебристо-красное платье из тонкого шёлка, подпоясанное тёмно-красной юбкой. Её полурукав был вышит золотыми, серебряными, синими и зелёными нитями, изображая узоры из цветов и лоз. Платье открывало её белую грудь и нежную шею, на которой

красовалось золотое ожерелье с драгоценными камнями в форме лотоса. Её волосы были уложены в высокую причёску, украшенную золотыми шпильками. Её улыбка была яркой, а нос слегка вздёрнут, глаза полны мудрости и выразительности. Она была всего лишь очаровательной девушкой, только что достигшей совершеннолетия.

За ней следовал мужчина в чёрной одежде, не старше тридцати лет. Это был младший гроссмейстер, закалённый в боях армии Циньчжоу. Командир императорской гвардии уже хотел подойти, но она улыбнулась:

— Командир Цэн, останьтесь здесь. Дальше — перед ступенями императора Великого Чу. Какая опасность может мне угрожать? Не так ли?

Последнюю фразу она произнесла, обращаясь к Сяо Шанчуню.

— Князь Шоушань?

Сяо Шанчунь, хотя и видел её невинность, не стал расслабляться и улыбнулся:

— Наши государства уже три поколения связаны узами дружбы. Император надеется, что ваш визит принесёт ещё больше близости между нашими странами.

— Я и мой брат, император, тоже на это надеемся.

Она засмеялась, её глаза остановились на Сяо Шанли.

— Должно быть, это ваш младший брат, князь Цзинчэн.

Сестра императора Восточного У, принцесса Яньцин, лично вручила государственную грамоту. Чиновники выстроились в два ряда, звучали церемониальные колокола, и она во главе делегации двинулась вперёд. Хотя правители Чу и У признавали друг друга императорами и были союзниками, с тех пор как Тянь Му, сын Нин Янсу, с помощью императора Чу взойшёл на трон, Южный Чу постепенно начал превосходить Восточное У.

<http://bllate.org/book/15272/1348070>